

В.А.Кузнецова

Сержиу Буарки ди Оланда и Шику Буарки ди Оланда: интерпретация формирования бразильской национальной идентичности

В статье исследуется связь между классической работой бразильского историка и социолога Сержиу Буарки ди Оланда «Корни Бразилии» и романом «Разлитое молоко», автор которого — Шику Буарки ди Оланда, сын знаменитого ученого, а также крупнейшая фигура современной бразильской культуры. Темы, которые отец затрагивал в своей работе, вышедшей в середине 30-х годов прошлого века, актуальны по сей день. И они прослеживаются в творчестве сына, задающего себе все те же «бразильские» вопросы: удалось ли Бразилии преодолеть колониальное наследие; способны ли политические элиты страны разделять частную и общественную сферы жизни; исчезла ли в процессе модернизации та патриархальная модель социума, которая, по мнению С.Буарки ди Оланда, породила «человека сердечного» — квинтэссенцию бразильской идентичности со всеми ее достоинствами и недостатками?

Ключевые слова: национальная идентичность, колониальное наследие, «человек сердечный», патриархальное общество, традиции, социальный тип, критерии, модернизация.

DOI: 10.31857/S0044748X0018839-1

Статья поступила в редакцию 21.01.2021.

Проблематика формирования национальной идентичности привлекала бразильских интеллектуалов со времен обретения независимости, однако лишь в 30-е годы XX в. появляется целая плеяда блестящих ученых, способных посмотреть на Бразилию и феномен «бразилиады» с учетом исторической специфики развития страны. И хотя идентичность, как полагает большинство современных исследователей, «следует рассматривать как открытый процесс, который никогда не бывает окончательно завершенным» [1, с. 82], некоторые ее черты становятся своего рода константой, оставаясь в

Варвара Александровна Кузнецова — старший научный сотрудник ИЛА РАН (РФ, 115035 Москва, Большая Ордынка, 21/16, (variroll@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7875-1398>).

фокусе внимания все новых и новых поколений интерпретаторов. Одну из таких черт удалось выделить и зафиксировать историку и социологу Сержиу Буарки ди Оланда в своей опубликованной в 1936 г. книге «Корни Бразилии» (*Raízes do Brasil*) [2], которая стала знаковой вехой в процессе осмысления национальной идентичности Бразилии.

В исследовании, вошедшем, наряду с классической работой создателя концепции «расовой демократии» Жилберту Фрейри «Хозяева и рабы» (*Casa Grande e senzala*) [3], в «золотой фонд» бразильской социологии, автор рассматривал колониальное наследие как ключевой фактор формирования бразильской нации и задавался вопросами, которые остались актуальными даже через 73 года после публикации. Доказательством может служить выпущенный в 2009 г. роман «Разлитое молоко» (*Leite Derramado*) Шикю Буарки ди Оланда — сына знаменитого социолога, продолжившего в своем творчестве исследовать и интерпретировать Бразилию, но уже художественными средствами.

Ш.Буарки ди Оланда — поэт, композитор, певец, прозаик и драматург, яркая фигура в культурной жизни современной Бразилии, «единственный, кого народ единодушно принимает» [4], автор нескольких романов, два из которых — «Будапешт» (*Budapeste*) и «Разлитое молоко» — были удостоены престижной национальной литературной премии *Jabuti*. По словам писателя и журналиста Рейналду Мораэса, автора одной из рецензий на «Разлитое молоко», читатель, открывший сравнительно небольшую по объему (не дотягивающую до двухсот страниц книгу, «держит в руках Бразилию — ни больше и ни меньше» [5]. Эта метафора позволяет понять масштаб романа, охватывающего историю страны с периода Первой республики* практически до наших дней, и заложенную в нем игру смыслов, предполагающую интертекстуальный диалог с такими известными интерпретаторами Бразилии, как Жилберту Фрейри, Роберту да Матта, Антониу Кандиду, Роберту Шварц** и, разумеется, Сержиу Буарки ди Оланда.

Связи между научным наследием С.Буарки ди Оланда и творчеством Ш.Буарки ди Оланда неоднократно становились предметом анализа бразильских ученых. В фокусе внимания исследователей оказывался вопрос о том, как отражается концепция ди Оланда-отца именно в романе «Разлитое молоко». В частности, об этом рассуждали литературоведы Лилиан Деус [6] и Тая Канабарру [7], историк Элоиза Старлинг [8]. В российской латиноамериканистике формирование бразильской идентичности рассматривалось в области политических наук [9], культурологии [10], [11], социологии [12], истории [13] и антропологии [14].

Цель данного исследования — найти точки соприкосновения истоков национальной идентичности с политическими и социальными процессами, характерными для сегодняшней Бразилии, сопоставив классическую для

* Период истории Бразилии от свержения монархии в 1889 г. до переворота 1930 г.

** Роберту да Матта — бразильский антрополог, исследователь бразильской национальной идентичности; Антониу Кандиду — бразильский социолог и литературный критик; Роберту Шварц — бразильский литературный критик.

С.Буарки ди Оланда и Ш.Буарки ди Оланда: формирование бразильской идентичности

бразильской социологии концепцию С.Буарки ди Оланда с литературным произведением, являющимся ее художественной интерпретацией.

«МЫ ДАЛИ МИРУ «ЧЕЛОВЕКА СЕРДЕЧНОГО»

Книга «Корни Бразилии» вышла в свет в период Нового государства*, когда поиск национальных смыслов и объединяющей нацию идеи стал одним из важнейших государственных приоритетов и серьезным вызовом для бразильских интеллектуалов. На фоне кардинальных изменений, которым подвергалось общество в процессе индустриализации и модернизации, историки, социологи, антропологи пытались понять причины отсталости страны и «примирить» требования современности с особенностями национальной идентичности.

Британский социолог Стюарт Холл, рассуждая об изменчивости и «текучести» понятия идентичности, подвергает сомнению само ее существование и утверждает, что «если же мы чувствуем, что у нас есть единая идентичность от рождения до смерти, то только потому, что сами создаем «удобную историю» или утешительное «повествование о себе» [15, с. 125]. История, которую С.Буарки ди Оланда написал в своем программном произведении, ни «удобной», ни «утешительной» не была.

Разоблачая патерналистскую концепцию государства — наследие португальского колониализма, — С. ди Оланда видит причину трудностей, которые Бразилия испытывала при вхождении в общество модерна, в «определенных психологических свойствах португальской экспансии» [16, с. 149]. Для реконструкции типа португальского колонизатора он использовал методологию идеальных социальных типов Макса Вебера и противопоставлял «трудящегося», т.е. английского пуританина, прибывшего на «Мэйфлауэр» в Северную Америку, чтобы строить «Новую Англию», и португальского «авантюриста», «не имеющего эмоциональных связей с колонизируемой землей ... и озабоченного лишь поисками обогащения» [17, с. 424]. Эти факторы в сочетании с «режимом сельской собственности, преобладанием латифундий, существующих в режиме полной автаркии» [16, с. 150], а также с рабовладением привели к тому, что главным структурным элементом бразильского социума оказалась иберийская патриархальная семья, в которой власть отца-хозяина практически безгранична, влияние извне весьма незначительно или сведено к нулю, личные интересы хозяина приравниваются к общественным, а государство видится не более чем продолжением, расширением этого семейного мироустройства.

О патриархальной семье как о базовом концепте для бразильской социологии впервые заговорил Жилберту Фрейри, увидевший именно в ней стратегию португальской колонизации [18, р. 308] и, как следствие, корни национальной политической культуры [19, р. 175]. С. Буарки ди Оланда, продолживший интерпретацию этого явления, напрямую связывал феномен рабства и патриархальную семью [6, р. 175], в рамках которой даже дети считаются практически собственностью патриарха.

* Новое государство (Эра Варгаса) — первый период нахождения у власти Жетулиу Варгаса (1937—1945 гг.)

На сегодняшний день вокруг идей Ж.Фрейри разворачивается полемика — как научная, так и общественно-политическая. На фоне символической деколонизации истории, начавшейся в период нахождения у власти представителей Партии трудящихся, концепция расовой демократии, сформулированная Фрейри и долгие годы являвшаяся краеугольным камнем бразильской национальной идентичности, была объявлена вредным мифом, который позволяет «доминирующим элитам скрывать неравенство» [20, р. 80]. Кроме того, сомнению подвергли безоговорочное доминирование патриархальных отношений в колониальный период. Бразильский историк Эни де Мескита Самара сделала вывод, что в XIX лишь в 26% домохозяйств Сан-Паулу наблюдались признаки патриархальной семьи [21, р. 524]. Тем не менее, даже критики идей Фрейри не отрицают, что значительная часть национальной элиты появилась именно из этой формы сосуществования.

Именно в лоне патриархальной семьи, еще в XX столетии продолжавшей, по мнению Фрейри, противостоять модерности, оказывая влияние на общественные отношения, С. Буарки ди Оланда искал корни Бразилии. И именно в ней родился так называемый человек сердечный, которого Б. ди Оланда считал воплощением бразильского духа со всеми его достоинствами и недостатками: «Простота в общении, гостеприимство, великодушие, — все те качества, которые иностранцы столь высоко ценят, действительно являются отличительной чертой нашего национального характера, по крайней мере, в той степени, в какой еще чувствуется влияние дедовских норм и правил жизни, которые вырабатывались деревенской и патриархальной средой» [2, с. 127].

С. Ди Оланда далек от того, чтобы идеализировать «человека сердечного» и отмечает нетерпимость, свойственную этому типу личности: такой человек не приемлет принуждения, приказов и распоряжений извне, а значит — отвергает цивилизацию.

Унаследованные от авантюристов-колонизаторов традиции персонализма и патримониализма являются причиной распространения принципов отношений патриархальной семьи на социум и политическую жизнь, что приводит к смешению личной и общественной сфер. Именно в этом смешении, в органическом неумении разделить частные и общественные интересы С.ди Оланда видел первопричину тех трудностей, с которыми Бразилия столкнулась в XX в. при попытке построить современную политическую систему и создать правовое государство: «Людям, воспитанным в подобной системе (имеется в виду патриархальный тип семьи. — *В.К.*) и занимавшим ответственные посты в государстве, было очень непросто понять принципиальную разницу между частной и общественной сферой. Для них было типично именно то, чем отличается «патримониальный чиновник» от безликого бюрократа-функционера, в соответствии с определением Макса Вебера» [2, с. 126]. В интерпретации С. ди Оланда «патримониальный» чиновник воспринимает свою профессиональную деятельность как управление плантацией, полученной в наследство от отца, а объективные общественные интересы растворяются в его собственных, которые он преследует, решая ту или иную управленческую задачу.

Таким образом, несмотря на все свое яркое, экстравертное обаяние, которое, как замечает С. ди Оланда, «иностранцы столь высоко ценят», «человек

сердечный» и те корни, из которых он произрастает, являлись безусловной помехой на пути прогресса и модернизации. Неслучайно Антониу Кандиду в своей статье «Значение “Корней Бразилии”» пишет: «С политической точки зрения, коль скоро наше прошлое являлось препятствием, ликвидация таких «корней» становилась императивом исторического развития» [22, р. 20]. Последовало ли бразильское общество этому императиву? Ответ на этот вопрос можно попытаться найти в романе Шики Баурки ди Оланда «Разлитое молоко».

«РАЗЛИТОЕ МОЛОКО» И ПОТЕРЯННАЯ ЭЛИТА

Название романа отсылает читателя к басне Лафонтена о мечтательной молочнице, которая оплакивает несбывшиеся мечты. Однако здесь существует возможность для различных прочтений и ассоциаций. Начиная с того, что в тексте романа описывается сцена с реально разлитым молоком: вид разбрызганных по раковине капель грудного молока загадочным образом исчезнувшей жены главного героя будет всю оставшуюся жизнь преследовать его, заставляя снова и снова оплакивать упущенное счастье. Но и это не все. Вглядевшись в оригинальное название *Leite Derramado*, можно увидеть анаграмму слова «элита» (*leite — elite*) и предположить, что речь идет о социальной деградации традиционной имперской аристократии, к которой относится семья протагониста [23, р. 3].

«Эулалиу Монтенегру д’Ассумпсау, дата рождения — 16 июня 1907 г., вдовец. Отец — Эулалиу Рибас д’Ассумпсау, как та улица позади метро. Два года он был благоустроенной площадью в центре города, пока власть не захватили либералы*, окрестившие ее в честь какого-то предводителя гаушу**. Вы, может статься, читали, что в 1930 г. гаушу захватили столицу, привязали своих коней к обелиску и смешали с грязью наши традиции. Позднее просвещенный мэр реабилитировал отца, назвав его именем туннель. Но тут пришли военные и второй раз разжаловали папу, переименовав туннель в честь какого-то потерявшего ногу лейтенанта. И, наконец, уже при демократии некий муниципальный депутат — защитник окружающей среды, неизвестно, с какой радости — пожаловал имя моего отца этой тупиковой улочке. Мой дед — тоже какой-то переулочек, в той стороне, ближе к докам. А со стороны матери Рио-де-Жанейро похож на мое генеалогическое древо. Если не верите, пошлите мальчишку купить карту города» [24, р. 77-78]. Так главной герой говорит о себе, обращаясь к медсестре заштатной больницы, куда его — столетнюю реликвию — привозят умирать.

Текст романа представляет собой сбивчивый, предельно откровенный, подчас бесстыдный монолог, в котором, путаясь в хронологии и фактах, забывая, к кому именно он обращается, старик рассказывает об упадке своей некогда блестящей семьи. Его прапрадед прибыл в Бразилию в составе королевской свиты и был доверенным лицом Марии Безумной***. Прадед,

* Имеется в виду военный переворот 1930 г., в результате которого к власти пришел Жетулиу Варгас, возглавлявший штат Рио-Гранди-ду-Сул.

** Уроженец штата Рио-Гранди-ду-Сул.

*** Мария I — первая правящая королева Португалии (1777—1816 гг.).

сколотивший состояние на работорговле, получил титул барона от императора Педру I. Дед ел за одним столом с императором Педру II и состоял в переписке с королевой Викторией. Отец был сенатором времен Первой Республики, каждый год ездил в Европу, занимая лучшую каюту на французском пароходе «Лютеция», посещая лучшие бордели, нюхая первоклассный кокаин. Сто лет спустя последний Эулалиу д'Ассумпсау смотрит на своих потомков и видит, что его 80-летнюю дочь из милости приютила секта евангелистов, позволив жить в фавеле, выросшей на том месте, где когда-то находилась их собственная фазенда. Его внук-коммунист умер в тюрьме во времена Военной диктатуры*. Правнук родился мулатом и погиб при загадочных обстоятельствах. Праправнук стал наркоторговцем и однажды даже угостил столетнего прапрадедушку «дорожкой» кокаина. Круг замкнулся.

В повествовании Эулалиу сосуществуют два смысловых пласта — его личная история переплетается с историей страны, превращая рассказ о вырождении аристократического семейства в метафору деградации политической системы, выросшей из традиций персонализма и патримониализма, которые герой должен был впитать с молоком матери. В Эулалиу д'Ассумпсау можно увидеть «человека сердечного», который даже в своей семейной саге не может провести грань между «частной и общественной сферой».

«ЧЕЛОВЕК СЕРДЕЧНЫЙ» В «РАЗЛИТОМ МОЛОКЕ»

«В среде олигархии, которая правила Бразилией, в тех немногих семьях, которые разделяли между собой власть, все это было в порядке вещей — nepотизм, торговля влиянием, смешение общественного и частного. То, что сегодня приводит к скандалу, тогда было обычным делом. И я хотел, чтобы мой старик именно так смотрел на жизнь. Он получил эту страну в наследство, и он ее потерял», — так сам Шикку Буарки в одном из интервью описал свой замысел [25].

От многочисленных высокопоставленных предков герой «Разлитого молока» унаследовал не только страну, положение и богатство, но также имя, которое он внутренне отвергал: «Я не хотел быть Эулалиу, меня только монахи так называли в школьные годы. Я желал состариться и лечь в могилу под одним из моих детских прозвищ — Лалиню, Лала, Лалику. Мой португальский прапрадед был Эулалиу, и прапрадед, и прадед, и дед, и отец. А для меня это имя превратилось в эхо» [24, p. 31]. Тем самым он отвергал себя как последнего носителя колониальной идентичности, последнего «человека сердечного», с которого начинается упадок некогда блестящего рода. Возможно, если бы у героя родился сын, он также назвал бы его Эулалиу. Но передать ненавистное имя оказалось некому. Его единственным ребенком стала дочь, что в контексте патриархальных ценностей выглядит символом неудачи [23, p. 4].

Причину моральной и социальной деградации семьи можно искать в личных качествах последнего Эулалиу, не наделенного ни политическим талантами отца, ни характером своих дедов и прадедов. Но, исходя из предположения, что герой «Разлитого молока» — это метафора патримониаль-

* Период с 1964 по 1985 г.

ной элиты, можно обнаружить иррациональные причины упадка в традиционных, но неуместных в новой реальности бразильских предрассудках, которыми Шикку Буарки щедро наделил его. Старик д'Ассумпсау все еще живет в системе координат патриархального рабства, не исчезнувшего после реформы 1888 г.*. Он не приспособлен к существованию вне рамок расового и имущественного неравенства и до самого конца видит себя самого на вершине социальной пирамиды, утомляя персонал больницы для бедных рассказами о величии и богатстве своего семейства.

Именно так — как расист и рабовладелец — он проявляет себя во внутрисемейных отношениях, отягощенных разнообразными перверсиями. Одержимость Эулалиу исчезнувшей женой сопровождается стойким нежеланием признать правду о ней. Матилде, женщина-фантом, заполнившая собой 80 из 100 лет его жизни, была мулаткой. Эулалиу всячески старается обойти стороной этот очевидный факт, прибегая к разнообразным эвфемизмам: «она была самой смуглой из воспитанниц монастыря Марианской конгрегации» с «почти коричневой кожей» [24, р. 20]. Правда вскрывается вопреки желанию героя через реплики и реакции других персонажей. Когда Эулалиу хочет показать свою маленькую дочь отцу Матилде, тот делает вид, будто не помнит, о ком вообще идет речь. Потом все-таки снисходит до фразы: «А, Матилде, та чернавочка, которую мы воспитали, будто родную дочь» [24, р. 62]. Выясняется, что девочка была «сувениром», который отец привез однажды из поездки в Баию, и вынудил жену вырастить ее вместе с родными дочерьми.

Вспоминая о своем правнуке, чьи волосы завивались «мелким бесом» и чей «нос картошкой» день ото дня становился все толще» [24, р. 47], Эулалиу говорит, что его мучило смутное чувство, будто он уже где-то видел это лицо. Дочь находит объяснение: «Он просто пошел в мою мать-мулатку» [24, р. 47], чем вызывает возмущение героя: «Не знаю, кто напичкал ее такими сплетнями. Матилде была смуглой, почти шоколадной, но не мулаткой. Скорее, тут чувствовалась арабская кровь, доставшаяся от иберийских предков, или, возможно, далекая, давнишняя индейская примесь» [24, р. 47].

Успокаивая себя легендами о маврах и индейцах — все лучше, чем негры, — Эулалиу все же понимает, что с женой что-то не так. Его раздражает поведение Матилде, слишком экстравертное и свободное, ее чересчур яркая одежда, сексуальность, не ограниченная никакими правилами приличия, плохой французский, странные прихоти вроде болтовни с прислугой на кухне: «Меня охватило странное чувство — что-то между стыдом и злостью на себя за то, что я люблю женщину, которая живет на кухне» [24, р. 66]. По мнению бразильского литературоведа Эуридисы Фигейреду, кухня маркирует жену протагониста «как негритьянку, потому что, как гласит известная поговорка, кухня — это место для черной, спальня — для мулатки, а гостиная — для белой» [26, р. 232].

Эулалиу как будто нравится унижать Матилде, указывая на ее недостатки и демонстрируя тем самым свое социальное превосходство. Но именно эти несовершенства заставляют его сходить с ума от страсти и бешено ревновать. «Как любовь, так и ревность питаются расовым и классовым нера-

* Год отмены рабства в Бразилии.

венством, которое, в зависимости от контекста, может притягивать или отталкивать. Бразильская комедия как она есть» — так охарактеризовал историю супружеских отношений Эулалиу литературный критик Роберту Шварц [27, р. 144].

Говоря о бразильской патриархальной семье, из нее нельзя исключать рабов. У деда Эулалиу был раб по имени Балбину, верный, как пес. Другом детства Эулалиу был внук этого раба, тоже Балбину. И тоже верный, хотя формально уже свободный. В своем путаном монологе на смертном одре Эулалиу честен до бесстыдства и потому без тени стеснения рассказывает о своих сексуальных фантазиях по поводу Балбину, природа которых кроется не в модной сегодня гомосексуальности, а в отношениях господства и подчинения. При этом Эулалиу уверен, что именно жизнь бок о бок с Балбиной сделала из него человека без расовых предрассудков. Тем самым он демонстрирует типичный патриархальный расизм, сформировавшийся там, где большой дом и сензала* пересекались и проникали друг в друга.

Таким образом, перверсивные отношения героя с женой-мулаткой и слугой-негром метафорически представляют извращенную основу, на которой зиждется структура власти и социальных связей, доставшаяся Бразилии от колониального прошлого и до сих пор до конца не изжитая.

Эулалиу является носителем этой патримониальной идеологии — тем самым «человеком сердечным», перенесенным из сельской патриархальной Бразилии в современный мегаполис. Он осознает свою неспособность адаптироваться к новым реалиям и радуется, что отец-сенатор умер раньше, чем наступила эпоха, в которой «человеку сердечному» сложно найти себе место: «...отец, должно быть, предчувствовал, что вскоре все изменится, а он бы не сумел приспособиться к чуждым временам. Его состояние за границей испарялось, и я не могу вообразить его без ежегодных поездок в Европу, без каюты, без первоклассных отелей, ресторанов и женщин. В политике учтивость уступила место суете и дешевой клоунаде, и я не представляю, чтобы отец агитировал на площади, поднимался на трибуну, пожимал руку смердам и улыбался, позируя для фотографий в засаленном костюме» [24, р. 131].

Отец Эулалиу, «человек сердечный», по самой своей сути неприспособленный к надличностным отношениям, основанным на положении и функции индивида, а не на личностных или семейных особенностях, не на взаимных симпатиях, порожденных первичными связями» [14, с. 17], всю жизнь действовал в соответствии с девизом, который приписывают президенту Артуру Бернардесу**»: «Для друзей — все, для врагов — закон» [23, р. 19]. Используя традиционные связи, сенатор д'Ассумпсау добился концессии на строительство порта в Манаусе, лоббировал интересы французской компании *Le Creusot & Cie*, поставлявшей в Бразилию устаревшее вооружение. И не видел в этом ничего дурного, рассматривая «государственную должность как источник личного обогащения, преимущество или привилегию, но не как первостепенную задачу служения на благо общества» [28, р. 132].

* Невольничий барак.

** Президент Бразилии в 1922—1926 гг.

Эулалиу унаследовал «хлебное место» отца, но не его способности «налаживать отношения» и «сокращать дистанцию» [28, р. 132]. Всю кипучую энергию и неистовую страсть «человека сердечного» он направил внутрь, в семейную жизнь. Пожалуй, женитьба на Матилде — единственный пример, когда Эулалиу проявил характер, преодолев сопротивление матери. В дальнейшем он целиком и полностью сфокусировался на болезненной ревности к жене и весь XX в. провел, будто во сне, оплакивая исчезнувшую Матилде и капли разбрызганного грудного молока. Он сам оказался каплей «расплескавшейся» и потерянной патримониальной элиты. Деграция Эулалиу де Ассумпсау и упадок его семьи становятся метафорой поражения правящего класса, который вместо того, чтобы действовать в интересах страны, пользовался ею, как своим наследственным владением, что можно увидеть на примере предков героя.

«ЧЕЛОВЕК СЕРДЕЧНЫЙ» — КОЛОНИАЛЬНОЕ НАСЛЕДИЕ СЕГОДНЯ

С. Буарки ди Оланда полагал, что в процессе урбанизации социальные связи, основанные на патриархальной модели, постепенно исчезнут. Следуя этой логике, «мы можем наивно полагать, что со смертью Эулалиу придет конец «сердечному человеку», который, наконец, уступит дорогу справедливости и демократии» [29]. Однако Ш. Буарки ди Оланда не настроен столь оптимистично — в книге нет сцены смерти Эулалиу. И если «человек сердечный» все еще жив, то вместе с ним и в нем самом живет колониальное прошлое, продолжающее влиять на настоящее.

По мнению бразильского историка Жуау Сезара ди Кастру Роша, феноменальная «живучесть» «человека сердечного» связана не только и не столько с патриархально-аграрным обществом, уничтожение которого началось с индустриализацией и завершилось с глобализацией. «Человека сердечного» в первую очередь питают жесткая иерархия и неравенство [30] — наследие рабовладения, которое по сей день дает о себе знать в бразильской системе социального воспроизводства.

«Человек сердечный» в ответе за многое, что происходит в новейшей истории Бразилии. В частности, говоря о проблеме коррупции, невозможно избежать обращения к наследию С.Буарки ди Оланда. Как пишет в своей статье «Эндемичность» коррупции для Латинской Америки» российский ученый Б.Ф.Мартынов, «если преступность и коррупция вообще интернациональны, то их исторические корни и конкретные особенности проявления — национальны» [31, с. 74].

Практически с самого начала процесса демократизации Бразилию сотрясают коррупционные скандалы. «Оказалось, что иммунитетом против коррупции не обладал не только откровенно правый мультимиллионер Ф. Коллор, перестраивавший национальное хозяйство по неолиберальным канонам, но и выступавшие за «народную» экономику и «интересы обездоленных» деятели, некоторые из которых в молодости даже участвовали в партизанских движениях» [31, с. 71]. Проблема не исчезла с началом легислатуры Жаира Болсонару, получившего президентское кресло именно на волне борьбы с коррупцией. Однако один его соратников — губернатор Рио-де-Жанейро Вилсон Витцель — оказался подозреваемым в деле по выводу

средств при строительстве шести временных больниц для пациентов с COVID-19 [32]. Бразильская коррупция демонстрирует свой надклассовый и надпартийный характер, и становится очевидно, что своими корнями она уходит в то самое, свойственное «человеку сердечному» неумение отделять личную сферу от общественной.

Было бы ошибочно предполагать, что «человека сердечного» можно встретить только среди властных элит, имеющих доступ к общественному достоянию. Иррациональное электоральное поведение рядового бразильского гражданина также заставляет вспомнить классическую работу Сержиу Буарки ди Оланда. «Государство не должно становиться инструментом расширения семейного круга, мы должны порвать с этой традицией перед тем, как пойти к избирательным урнам в 2018 году. Мы не должны отдавать свой голос тому или иному кандидату, потому что он — наш друг, родственник или близкий нам человек. Мы должны голосовать за профессионала, даже если нас ничего с ним не связывает». Такие призывы можно было увидеть в бразильском информационном пространстве в преддверии последних президентских выборов [33].

И потому рефлексия над образом «человека сердечного» в романе Шики Буарки ди Оланда «Разлитое молоко» важна не только для осознания «корней», из которых выросло бразильское общество, но и для интерпретации событий и процессов сегодняшнего и завтрашнего дня.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Константинова Н.С. Культурная идентичность стран Иbero-Америки: мифы и реальность. Латинская Америка. М., 2015, № 12, сс. 77-86 [Konstantinova N.S., *Kulturnaia Identichnost' stran Ibero-Ameriki: mifi i realnost'* [The cultural identity of Ibero-American countries: myths and reality]. *Latinskaya Amerika*. Moscow, 2015, N 12, pp. 77-86. (In Russ.)].
2. Оланда де, С. Б., «Корни Бразилии». Москва: Рудомино, 2005, 182 с. [Holanda de, S. B., *Korni Brazilii* [The roots of Brazil]. Moscow, Rudomino, 2005, 182 pp. (In Russ.)].
3. Freyre G. Casa-Grande e senzala. Fundação Gilberto Freyre, Recife, 2003, 719 p.
4. O tempo e Chico Buarque. Available at: <https://www.revistacontinente.com.br/edicoes/221/o-tempo-e-chico-buarque-1> (accessed 05.10.2020).
5. Leite Derramado. Palavra da imprensa. Available at: <http://www.leitederramado.com.br/wordpress/?paged=2> (accessed 20.09.2020).
6. Deus, L. P. S. As raízes do Brasil em Leite derramado, de Chico Buarque. *Estudos de Literatura Brasileira Contemporânea*. 2018, N 53, pp. 387-409. Available at: <https://www.scielo.br/j/elbc/a/x4chDKxTrb4mxgqnXV4f5mM/?format=pdf&lang=pt> (accessed 05.10.2020).
7. Canabarro, T. C. V. Memória social em Leite Derramado, de Chico Buarque: Uma alegoria da formação do Brasil moderno. Vitória: Universidade Federal do Espírito Santo, 2014 (tese de doutorado), 130 p.
8. Starling, H. M.M., O tempo da delicadeza perdida: Chico, Sérgio e as Raízes do Homem Cordial // Marras, Stelio (Org.). *Atualidade de Sérgio Buarque de Holanda*. São Paulo: EDUSP, 2012, p. 63-78.
9. Павлова Е.Б. Антропофагия политической антропологии: проект «бразильская нация». *Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре*. М., 2012. № 1(81). сс. 111-122. [Pavlova E.B. Antropofagia politicheskoi antropologii: proekt "brazil'skaya nazia" [Anthropophagy of Political Anthropology: "The Brazilian Nation" Project]. *Neprikosnovenni zapas*. Moscow, 2012, № 1 (81), pp. 111-122 (In Russ.)].

10. Хван М.С. Культурная идентичность Бразилии в эпоху глобализации. *Латинская Америка*. М., 2014. № 2. сс. 74-90. [Hvan M.S., Kulturnaia Identichnost' Brazilii v epohu globalizatsii [Brazil's cultural identity in the era of globalization]. *Latinskaya Amerika*. Moscow, 2014, № 2, pp. 74-90. (In Russ.)].
11. Konstantinova N. Brasil: Identidad en el Espejo de la memoria cultural. *Iberoamérica*. М., 2020, pp. 167-181
12. Мело и Соузо Н. Бразильская идентичность как социокультурный феномен. *Вестник РУДН. Серия: Философия*. М., 2012, № 3, сс. 121-124 [Melo I Souza N., Brasilskaia Identichnost' kak soziokul'turnij fenomen [Brazilian identity as a socio-cultural phenomenon]. *Vestnik RUDN*. Moscow, 2012, №3, pp. 121-124. (In Russ.)].
13. Добронравин Н.А. Афробразильские мусульмане вчера и сегодня. *Латинская Америка*. М., 2011, № 3, сс. 56-61 [Dobrontavin N.A., Afrobraziliskije musul'mane vchera I segodnia [Afro-Brazilian Muslims yesterday and today]. *Latinskaya Amerika*. Moscow, 2011, № 3, pp. 56-61. (In Russ.)].
14. Манизер Г.Г. Необразильцы / Публикация, вступление и комментарии А.Д. Дридзо. Кунсткамера: Этнографические тетради. СПб, 1993, Вып. 2-3. сс. 291–304 [Manizer G.G., Neobraziltsi [Neobrazilians]. *Kunstkamera: Etnograficheskie tetradi*. Saint Petersburg, 1993, № 2-3, pp. 291-304 (In Russ.)].
15. Константинова Н.С. Бразильская национальная идентичность: мнения и сомнения. *Латинская Америка*. М., 2019, № 7, сс. 123-128 [Konstantinova N.S., Brasilskaya nacional'naya identichnost': mnenia i somnenia [Brazilian national identity: opinions and doubts. *Latinskaya Amerika*. Moscow, 2019, № 7, pp. 123-128. (In Russ.)].
16. Малерба Ж. Бразильское наследие: конструкция и деконструкция Бразилии в XIX и XX вв. *Латиноамериканский исторический альманах*. М., 2014, № 14, сс. 134-155 [Malerba J. Brazilskoe nasledie: konstruksia i dekonstruksia Brazilii v XIX i XX vv. [Brazilian Inheritances: Construction and Deconstruction of Brazil, Nineteenth and Twentieth Centuries]. *Latinoamerikanskij Istoricheskij Almanakh*. Moscow, 2014, № 14, pp. 134-155 (In Russ.)].
17. Меллу-и-Соуза, Н., Мальковская И.А. Некоторое аспекты исторического самоопределения (на примере Бразилии и России). *Древняя и Новая Романья*. СПб, 2013, № 11, сс. 415-428 [Melu i Souza, N., Mal'kovskaya, I. A., Nekotorye aspekty istoricheskogo samoopredelenia (na primere Brazilii i Rossii) [Some aspects of the historical self-identification (examples of Brazil and Russia)]. *Drevnija i Novaja Romania*, Saint-Petersburg, 2013, N 11, pp. 415-428 (In Russ.)].
18. Aguiar, N. Patriarcado, sociedade e patrimonialismo, Soc. Estado., Brasília, 2000, vol.15, n.2, pp. 303-330.
19. Itaboraí N. R. A família colonial e a construção do Brasil: vida doméstica e identidade nacional em Gilberto Freyre, Sérgio Buarque de Holanda e Nestor Duarte. *Revista AntHropológicas*, Recife, 2005, vol.16, N 1, pp. 171-196.
20. Munanga K., *Rediscutindo a mestiçagem no Brasil: identidade nacional versus identidade negra*. Petrópolis, 1999, 152 pp.
21. Vainfas R. *Trópico dos pecados*. Rio de Janeiro, 2011, Recurso Digital, 1709 pp.
22. Candido A. *Significado de "Raízes do Brasil"*, Raízes do Brasil, São Paulo: Companhia das Letras, 1995, 220 p.
23. Dusilek, A., *Retrato de uma elite quando velha: leitura de Leite Derramado*. Revista investigações, Recife, 2013, Janeiro, vol.26, № 1, pp.1-20.
24. Buarque C. *Leite Derramado*, Rio de Janeiro, Companhia das letras, 2009, 148 p.
25. Chico Buarque: a primeira entrevista sobre o romance Leite Derramado. Available at: <http://blogues.publico.pt/ciberescritas/2009/07/18/chico-buarque-a-primeira-entrevista-sobre-o-romance-leite-derramado/> (accessed 21.09.2020).
26. Figueiredo E. *Representações de etnicidade: perspectivas interamericanas de literatura e cultura*, Rio de Janeiro: 7Letras, 2010, 250 p.
27. Schwarz R. *Martinha versus Lucrécia*. Rio de Janeiro , Companhia das Letras, 2012, 312 p.

Варвара Кузнецова

28. Pinheiro Coelho, M.F. A democracia no Brasil não é um mal-entendido, Civitas, Porto-Alegre, jan.-abr, 2014, v.14, n.1, p. 126-136.

29. Nicodemo T. L. Filho desenvolve e amplia a ideia do pai. Available at: <https://cultura.estadao.com.br/noticias/artes,filho-desenvolve-e-amplia-ideia-do-pai,346102> (accessed 19.08.2020).

30. Brasil ainda faz política com afeto, não com a cabeça. Available at: <https://www.cartacapital.com.br/politica/brasil-ainda-faz-politica-com-afeto-nao-com-a-cabeca/> (accessed 20.08.2020).

31. Мартынов Б. Ф. «Эндемичность» коррупции для Латинской Америки, Международные процессы. М., 2018, т. 16, № 1, сс. 69-79 [Martinov, B. F., Endemichnost' korruptsii dlia Latinskoy Ameriki ["Endemicity" of corruption for Latin America]. *Mezhdunarodnie prozessi*. Moscow, 2018, vol. 16, N 1, pp. 69-79 (In Russ.).

32. STJ afasta Witzel do cargo de governador do RJ. Available at: <https://noticias.uol.com.br/politica/ultimas-noticias/2020/08/28/stj-witzel-afastamento.htm> (accessed 19.09.2020).

33. A herança do homem cordial e suas marcas na política atual. Available at: http://hnetsistemas.com.br/catalogo/layouts/pers_jornalnoeste2/ExibeNoticia/91/17596/a-heranca-do-homem-cordial-e-suas-marcas-na-pol-tica-atual.html (accessed 19.09.2020).

Varvara A.Kuznetsova (variarioll@inbox.ru)

Senior researcher, Institute of Latin American Studies of RAS

B. Ordynka, 21/16, 115035 Moscow, Russian Federation

Sergio Buarque de Holanda and Chico Buarque de Holanda: interpreting the Brazilzn national identity's formation

Abstract. The author depicts the correlation between “The Roots of Brazil”, a classical work of the Brazilian historian and sociologist Sergio Buarque de Holanda, and “Spilt Milk”, a novel by Chico Buarque de Holanda, the famous scientist's son and one of the most prominent and remarkable figures in the cultural life of the modern Brazil.

The points the father dealt with in the middle of 1930s keep being a pressing problem nowadays and can be traced in his son's work. We can see that Chico Buarque de Holanda seeks the answers to the same “Brazilian” questions. In particular, he is eager to understand if Brazil has managed to overcome its colonial legacy; if the Brazilian political elites have got the ability to separate the private interests from the public matters; and if the patriarchal society that had created the “cordial man” (the quintessence of the Brazilian identity) has vanished as the outcome of the modernization.

Key words: national identity, colonial legacy, “cordial man”, patriarchal society, traditions, social kind, criterions, modernization.

DOI: 10.31857/S0044748X0018839-1

Received 21.01.2021.